

2012/3 (9)

Содержание

Теоретическая культурология

Горин Д. Г.

К феноменологии должного и сущего: «иное царство» и метафизика власти в культуре России

Савруцкая Е. П.

Коммуникационный аспект инновационных трансформаций в конструировании социальной реальности

Историческая культурология

Чистякова В. О.

Отечественное военное кино 1911–2011 годов: медиатизация памяти

*Сорокин А. П.**Лосунов А. М.*

Мифологема «столичности» города Омска: исторические основания и современный контекст

Прикладная культурология

Синецкий С. Б.

Культурные трансформации в XXI веке: осмысление перспектив

Садохин А. П.

Теоретико-методологические ресурсы культурологической экспертизы

*Кочеляева Н. А.,**Разлогов К. Э.*

Современное понимание культуры: от теории к законодательной практике

УДК [008+82]:01.13(048)

Богатырёва Е. А.

РАЗНОРЕЧИЕ И РАЗНОГЛАСИЯ:
ДИСКУССИИ О М. М. БАХТИНЕ В БЕРТИНОРО

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов XIV Международной бахтинской конференции (Бертиноро, Италия) в 2011 г. в контексте современного бахтиноведения. Автор обращается к проблемам круга Бахтина, «девятероканонических» произведений М. М. Бахтина и влияния марксизма на его творчество. Проанализировано содержание отдельных докладов, представленных на конференции*.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, философия М. М. Бахтина, круг Бахтина, теория языка, теория литературы, Международная бахтинская конференция в Бертиноро (Италия)

Рассказ о Международной бахтинской конференции не может ограничиться информацией о секциях, тематике докладов и перечислением участников, но предполагает некоторую преамбулу. Забегая вперед, скажу, что XIV Международная бахтинская конференция проходила в июле 2011 г. в старинном итальянском городке Бертиноро, в Конгресс-центре Болонского университета [1]. Назвать ее «очередной» невозможно уже потому, что рядовых бахтинских конференций просто не бывает. Любое обсуждение творчества М. М. Бахтина обрастает дополнительными смыслами в силу того, что, во-первых, Бахтин — один из немногих отечественных мыслителей, чьи идеи и по сей день продолжают рассматриваться в контексте современных проблем философии, лингвистики, литературоведения и гуманитарных наук в целом. Поэтому их обсуждение неизбежно превращается в дискуссии по актуальным вопросам соответствующих дисциплин, в том числе и по вопросам, выходящим за пределы науки, в область нравственного поступка. Во-вторых, интерпретации творчества Бахтина определенным образом изменялись на протяжении последних двух-трех десятилетий и уже могут быть рассмотрены в качестве зеркала нашей общественно-гуманитарной и историко-философской динамики.

Как показывает опыт прошедших конференций, к творчеству Бахтина отечественные и зарубежные исследователи обращаются, как правило, с вопросами из разных историко-культурных, историко-философских контекстов. Это значит, что под «актуальными проблемами» мы не всегда подразумеваем одно и то же. Например, внимание отечественных бахтинистов чаще обращено к историко-философским истокам бахтинского творчества с акцентом на контекст русской философии рубежа XIX–XX вв. Для западных исследователей в большей степени

Гуманитарные исследования

Штейнер Е. С.

Левизна художественная и политическая в детской книге Европы и Америки 1920–30-х гг. (Часть 2)

К 80-летию Российского института культурологии

Visual studies: теоретические исследования в Санкт-Петербургском отделении Российского института культурологии

Доклады, прочитанные на юбилейной сессии Ученого совета Российского института культурологии

Чикишева А. С.

Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании

Васильев А. Г.

Vita memoriae, casus Poloniae

Рабинович В. Л.

«Изгой нынчести»: Маяковский и Че Гевара

Рецензии

Фадеева И. Е.

Текстуальные революции как феномен российской цивилизации: от геопоэтики к геосемиотике

Рейфман Б. В.

Путешествие как ойкумена, ищущая свою границу: по поводу книги «Путешествие как феномен культуры»

Научная жизнь

Богатырёва Е. А.

Разноречие и разногласия: дискуссии о М. М. Бахтине в Бертиноро

Гончарик А. А.

Международный культурный форум 2012 в Ульяновске: итоги и перспективы

характерно обсуждение идей Бахтина в философско-социологическом контексте; идеи «круга Бахтина» сопоставляют с творчеством А. Грамши, В. Беньямина, Д. Лукача и других мыслителей, а также с актуальными течениями в современных гуманитарных науках. Деление это, конечно, достаточно условно. Вопросы методологического потенциала бахтинских идей и возможности их проецирования на современные гуманитарные науки объединяют почти всех, но опять-таки с поправкой на разные историко-культурные и историко-философские контексты. Перечисленные темы звучали и в Бертиноро.

Конференция 2011 года подтвердила наметившийся некоторое время назад поворот в бахтинских исследованиях, имеющий отношение не только к особенностям современной рецепции произведений Бахтина, но и к диалогу между отечественными и зарубежными бахтинистами, а также к состоянию дел в современных гуманитарных науках. Так, прошедшая конференция продемонстрировала определенное смещение интереса исследователей к рассмотрению работ «круга Бахтина» и отдельных его представителей как самостоятельных авторов, прошедших собственную идейную эволюцию. Эта тема, как известно, является одной из самых дискуссионных в бахтинистике. «Круг Бахтина» оказался в фокусе все возрастающего внимания со стороны исследователей, на мой взгляд, не только как факт интеллектуальной истории, но скорее вследствие актуализации произведений, за которыми в бахтинистике закрепилось название «девятнадцатых» [2], и без которых невозможно представить последующие труды Бахтина в области философии языка. Активизация обращений к «спорным» работам вызвала новую волну попыток переосмысления их места в творчестве Бахтина, а также вне его. Иллюстрацией и проявлением этой последней установки могут служить, например, доклады, посвященные творчеству В. Н. Волошинова.

Тема интеллектуальной истории присутствовала во многих докладах и дискуссиях. В качестве следующей тенденции нужно отметить обращение к истокам бахтинской философии и стремление обнаружить неизвестные ранее страницы, свидетельствующие о становлении ученого, проясняющие и уточняющие его позиции. В итоге, все перечисленные тенденции сфокусировались в нескольких точках — на обсуждении методологического потенциала бахтинских (включая «круг Бахтина») идей, экспликации методологических следствий его философско-лингвистической теории и на возможностях их использования применительно к современным гуманитарным наукам. Причем обсуждения явно или неявно опирались на определенный контекст бахтинских исследований, без обращения к которому характер дискуссий будет не вполне понятен.

О контексте

Дело в том, что всемирную известность М. М. Бахтину принесли, в первую очередь, его так называемые поздние работы по философии языка, которые оказались созвучны поискам гуманитарных наук в мировом контексте. В 1963 г. была переиздана книга Бахтина о Достоевском [3], в 1965 г. — напечатана работа «Творчество Франсуа Рабле...» [4], в 1975 г. выходят «Слово в романе», «Формы времени и хронотопа в романе» и др. [5]. Поэтому на 1960–70-е гг. приходится пик популярности терминов «полифония» и «карнавал», в западном литературоведении возникает понятие «интертекстуальность» и связанная с ним отрасль исследований и т.д. Нет необходимости

перечислять все вехи на пути освоения бахтинских идей и его ответвления, связанные с развитием концепций, от тех же идей отталкивающих.

Пропуская все дискуссии, иллюстрирующие особенности восприятия названных книг (а полемика вокруг этих произведений была нешуточной), подхожу к дате, на мой взгляд, ключевой. В 1986 г. в сборнике «Философия и социология науки и техники : ежегодник, 1984–1985» появилось произведение из бахтинского архива (фрагмент большого труда), которое было опубликовано под названием «К философии поступка» [6]. (Мнение о том, что перевод этого труда на английский язык стал вехой в англоязычной бахтинистике, прозвучал в Бертиноро в докладе инициатора проведения Бахтинских конференций, о чем будет сказано далее.)

Ключевым указанное событие оказалось не только потому, что с этого момента начался пересмотр сложившихся интерпретаций творчества Бахтина (на необходимость которого и ранее намекали «посвященные»), но еще и потому, что во второй половине 1980-х гг. радикально изменилась ситуация в отечественной философии и в гуманитарных науках. Опубликованная в 1986 г. работа, действительно, и по стилю, и по проблематике радикально отличалась от произведений, благодаря которым творчество ученого приобрело известность и популярность во всем мире. Казалось бы, как это обстоятельство могло повлиять на восприятие более поздней по времени бахтинской философии языка? Разве что экспликацией того факта, что эволюция творчества Бахтина подкрепляется логикой развития философии XX века (от феноменологии — к философии языка)?

Новая публикация и сопутствующие ей толкования (в качестве косвенных доказательств) подводили к умозаключению: *все, что мы знали о Бахтине, это еще не все*. Возможно даже, что мы вообще принимали его за *другого* (а все, что знали — это видимость, а не сущность). Вывод, следующий из названных посылок, напрашивался сам собой: шансы на понимание Бахтина стремительно уменьшаются у тех, кто не знаком с местными реалиями на собственном опыте, а потому не способен почувствовать контекст. Ярче всего это «герменевтическое лукавство» проявилось в отношении так называемых спорных работ, тех самых, которые бахтинисты стали называть «девтороканоническими».

Здесь нужно сделать еще одно отступление, поскольку о спорности этих трудов непосвященный мог бы и не узнать: в библиотечных каталогах они шли под рубрикой «труды М. М. Бахтина», в библиографическом указателе фигурировали в разделе «Перечень трудов, написанных при участии М. М. Бахтина» [7] (плюс к тому — известные свидетельства известных авторов, перечислять которые в очередной раз было бы излишне). Основные дискуссии по поводу «девтороканонических» работ развернулись уже в 1990-е гг. и совпали с известной переориентацией, перестройкой отечественных гуманитарных наук. То есть факт дискуссий вокруг проблемы авторства, как и следовало ожидать, оказался помножен на сложившуюся в отечественных гуманитарных науках ситуацию.

Больше всего вопросов вызвал сам подход к обоснованию статуса спорных работ: наиболее известная его версия вместо прояснения ситуации создавала новую двусмысленность. Данная версия предполагала, что Бахтин, будучи (со)автором данных произведений, в то же время *не разделяет ответственности за их содержание*. А как иначе следует понимать получившую широкое распространение версию их происхождения, согласно которой Бахтин создавал, или принимал

участие в создании упомянутых работ, от лица определенного персонажа? То есть от лица ученого-марксиста, поскольку все труды данного цикла выдержаны в духе философии марксизма. Другими словами, да, он участвовал в их создании, но *сам так не думал* (поскольку марксистом не был).

Логика такого обоснования вполне вписывалась в общий *процесс деидеологизации* как идеологии наших гуманитарных наук на рубеже 1980–90-х гг. Необыкновенная легкость осуществленного поворота, нередко сопровождавшаяся у отечественных интеллектуалов отказом от собственных трудов, не прибавляла доверия к сказанному впоследствии и не гарантировала не-случайности новообретенной авторской позиции. Подразумеваемая установка, в соответствии с которой можно легко (как шелуху) отбросить идеологию и за ней обнаружится содержание, которое было скрыто ненужными наслоениями, на рецепции творчества Бахтина сказалась не лучшим образом. Можно даже сказать, что случай с восприятием творчества Бахтина обнаружил ее сомнительность и просто несостоятельность. Так что случившееся можно считать своего рода «верификацией» (точнее, фальсификацией). Тем более, что в творчестве самого Бахтина тема «не-алиби в бытии» и неслучайности авторского слова, понимаемого как ответственный поступок, занимает центральное место. Учитывая это, версия автора-персонажа выглядит не убедительной. Однако более вразумительной версии, претендующей на объяснение широкой публике необычного статуса данных работ, предъявлено не было.

И еще. Трудно согласиться с тем, будто всемирная известность пришла к Бахтину в результате недоразумения — а ведь именно к такому выводу подвели интерпретаторские усилия, настаивающие на «игровом» характере ряда трудов ученого и, как следствие, противопоставляющие феноменологические работы Бахтина его версии философии языка.

Поначалу воспринятая рядом исследователей, версия об авторе-персонаже все же оказалась неубедительной (причем, особенно неубедительной она показалась именно западным бахтинистам). Поэтому реакция исследовательского сообщества, предположившего, что у спорных трудов все-таки должен обнаружиться *автор*, причем автор, который не отделял бы себя от созданного им «мира объективно значимого содержания», вполне объяснима. Отсюда простой логический ход: если Бахтин «так не думал», то должен быть тот, кто воспринимал сказанное всерьез. Почему же не согласиться с тем, что это именно тот, чье имя указано на титульном листе? А далее «аудиту» подверглось все: и традиционная периодизация творчества Бахтина, и биографические данные — все стало восприниматься с оттенком некоторого скепсиса и как повод для новых уточняющих исследований.

О бахтинистах и диалоге

Уже после IX Международной бахтинской конференции 1999 г. в Берлине (довольно представительной и масштабной) можно было предположить, что интеллектуальные «инвесторы» вскоре перестанут «вкладываться» в наше интеллектуальное пространство из-за его непредсказуемости. В случае с Бахтиным мера загадочности и неопределенности превысила все допустимые пределы. Неожиданные повороты, сопровождавшие новые публикации его наследия, держали ученую публику в постоянном напряжении и ожидании того, что в любой момент может появиться нечто, способное кардинально изменить наши представления об объекте исследования.

Возможно, именно усталость от сенсаций, связанная с затянувшимся во времени «открытием» философа, у нас привела к тому, что Бахтин достаточно быстро вышел из поверхностной интеллектуальной моды. Дискуссионное «поле боя» стали покидать и некоторые западные бахтинисты. К восприятию ситуации западными коллегами как нестабильной добавились корректирующие и одергивающие реплики, которые позволяли себе в их адрес некоторые отечественные авторы, указывая зарубежным коллегам на недостаточное знание местных реалий. Несмотря на перечисленные факты, число западных исследователей творчества Бахтина все еще остается довольно внушительным, и именно на Западе берет свое начало история международных бахтинских конференций, инициатором и бессменным вдохновителем которых на протяжении уже 30 лет является канадский исследователь Клайв Томсон. Конференции, как правило, проходят раз в два года; в 1995 г. VII Международная бахтинская конференция состоялась в Московском педагогическом государственном университете.

О «спорных работах»

Оговорюсь сразу: *вопрос об авторстве спорных трудов я оставляю за скобками*, не вступая в дискуссию по этому поводу. Во-первых, никаких других оснований, кроме фактов, доступных всем (собственно текстов, логических и текстологических взаимосвязей между ними и другими текстами каждого из авторов/соавторов и т.п.), у меня нет. Во-вторых, все, что можно было сказать о рассматриваемых текстах и высказанных в них идеях, руководствуясь приведенными выше доводами, я в свое время уже сказала [8]. Но самое важное, на мой взгляд, — это то, что произведения, за которыми в бахтинистике уже закрепилось название «деветероканонических», содержат ряд идей, не утративших своей значимости для лингвистики, философии языка и теории искусства по сей день. То, что они эту актуальность не утратили, подтверждают и доклады конференции в Бертиноро. Кроме того, вне учета этих работ неясной останется эволюция творчества самого Бахтина, поскольку очевидно, что без «деветероканонических» трудов не было бы его последующих работ по философии языка. С одной стороны, «спорные» произведения повторяют тезисы некоторых более ранних (согласно устоявшейся периодизации) бахтинских трудов, в то время еще не опубликованных (например, статья «Слово в жизни и слово в поэзии» [9]). С другой — многие идеи, высказанные в них, найдут подтверждение и развитие в последующих трудах самого Бахтина.

И пусть в названии этих последующих (собственно бахтинских) произведений слово «марксизм» отсутствует, его влияние на бахтинскую философию языка сложно не заметить. (Даже предполагая, что первоначальный импульс обращения к марксистской методологии мог объясняться данью времени.) Освоение и проецирование марксистской терминологии и некоторых методологических ходов на область философии языка оказались продуктивными и впоследствии отозвались в собственных работах Бахтина. Поэтому беглая характеристика бахтинской теории языка как марксистской интерпретации взглядов В. Гумбольдта, высказанная Ю. Хабермасом [10], не является натяжкой. Иногда само разворачивание идей оказывается не менее выразительным свидетельством, чем то, что их автор думал о собственной принадлежности к тому или иному философскому течению. Тем более, что для 1920-х гг. опыты творческого развития марксизма еще не

были редкостью [11]. Поэтому представляется возможным утверждать, что все влияния, в том числе и это, были интегрированы и переплелись в собственных построениях Бахтина.

Действительно, использование марксистской терминологии в такой мере, как в «деветероканонических» работах, а также временами прорывающиеся вульгарно-социологические тенденции не характерны для творчества Бахтина в целом. Но нельзя сказать, что впоследствии Бахтин вообще не будет этой терминологией оперировать. Понятия «социальный» и «идеологический» (последнее, конечно, имеет довольно богатую историко-философскую предысторию) займут свое место в бахтинской философии языка, в работе «Слово в романе» и других текстах. Естественно предположить, что автор текста «К философии поступка» вполне мог проявить интерес к этому понятию, роль и содержание которого в «Проблемах творчества Достоевского» [12], например, чрезвычайно показательны. В книге о Достоевском употребление понятий «идеология», «социальное» и других социологических терминов не похоже на фразеологию и не воспринимается как нечто чужеродное, скорее это попытка объединить элементы марксизма с христианским мировоззрением.

Примечательно и то, что, во-первых, понятие «идеология» в опубликованных в 1929 г. книгах «Марксизм и философия языка» [13] и «Проблемы творчества Достоевского» используется в разных значениях. Во-вторых, значения понятий «идеология», «идеологический» в книге «Марксизм и философия языка» практически совпадают с теми, которые используются в работе Бахтина «Слово в романе». Возможно, это объясняется тем, что применительно к творчеству Достоевского уже сложилась традиция использования этих терминов — традиция, с которой Бахтин полемизирует, замечая, что «идеология» у Достоевского не в речах героев, а в самом принципе построения романа, в его форме. Характерное для Бахтина приравнение «идеологического» к «миру культуры» осуществляется уже в спорных текстах, а перекличка между работой «Марксизм и философия языка» и некоторыми трудами Бахтина (например, «Слово в романе», «Проблема речевых жанров») очевидна.

Конференция 2011 года

Конференция в Бертиноро проходила под девизом «Бахтин: проверка большим временем». В ее работе принимали участие около ста ученых из стран Европы, Северной и Южной Америки, из Австралии, Израиля, Индии и других стран. Вместе с тем, невозможно было не заметить отсутствия на конференции ряда известных исследователей творчества Бахтина, например, из Германии. Российские участники в Бертиноро также были немногочисленны. Кроме того, не все заявленные в программе докладчики принимали участие в конференции очно — некоторые доклады были зачитаны в отсутствие их авторов.

Научным координатором конференции выступил исследователь творчества М. М. Бахтина Федерико Пеллици (Болонский университет, Италия), принимавший участие еще в Московской конференции 1995 г. Предваряя работу конференции и поясняя ее девиз, он подчеркнул «стимулирующее» влияние творческой мысли М. Бахтина и ее продуктивность. Отметил, что «Бахтин уже в большом времени, поскольку был призван решить апории структурализма, формализма, марксизма, деконструктивизма, постмодернизма и современного эклектизма», и что «его идеи по-прежнему охватывают различные

сферы: от архитектуры до экономической мысли, от лингвистики до средств массовой информации, от литературы до искусства, от интерпретации до теории». Будучи философом, Бахтин, по словам Пеллицци, предлагает нам как исследователям обратиться к теории, к основаниям; в качестве филолога — предлагает учитывать не только тексты, но и контексты, картину в целом. Не случайно Бахтин пришел к варианту герменевтики, предполагающей диалог.

Выбор докладов, давших старт конференции, также обозначил вопросы, которые, несмотря на обилие посвященных Бахтину трудов, считаются все еще не проясненными и дискуссионными, по крайней мере, для международного бахтинского сообщества. Тематика докладов, прозвучавших на открытии, указывает, что таковыми по-прежнему считаются, во-первых, некоторые детали биографии Бахтина, в частности роль периода начала 1920-х гг. в становлении ученого и, во-вторых, статус «круга Бахтина» и степень влияния на этот круг, как и на самого Бахтина, некоторых философских течений, в особенности философии марксизма.

Открыл конференцию доклад Николая Николаева (Санкт-Петербургский университет) «Дискуссия вокруг доклада Пумпянского “О марксизме” (1924) и переход Бахтина к работам второй половины 1920-х гг.», посвященный одному из самых дискуссионных и актуальных вопросов бахтинистики. Докладчик подчеркнул негативное отношение Пумпянского к марксизму и очертил круг вопросов, по которым выступил в рассматриваемой дискуссии Бахтин. Следующим был доклад «М. М. Бахтин и “мир литературы”» легендарной Екатерины Кларк (Йельский университет, США) — соавтора известной монографии о Бахтине [14].

Первое пленарное заседание было продолжено докладом Юрия и Дарьи Медведевых (Санкт-Петербургский союз писателей) «“Круг М. М. Бахтина” (к обоснованию феномена)», в котором авторы подчеркнули роль сообщества, известного под этим названием, в становлении творческой мысли самого Бахтина, отметили характерный для этого сообщества «полилог», нашедший отражение «в трех известных монографиях 1928–29 гг.», и представили свое обоснование роли П. Н. Медведева в жизни «круга», перечислив ряд понятий и тезисов, которые, по словам авторов, «были использованы П. Н. Медведевым задолго до знакомства с М. М. Бахтиным и независимо от него».

Завершил пленарное заседание доклад философа Григория Тульчинского (Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге) «Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты. Опыт сопоставительного анализа философских позиций», с неожиданной точки зрения представивший творческие искания Михаила и Николая Бахтиных [15]. Сопоставительный анализ зафиксировал особенности идейного становления братьев и общность их взглядов в начале творческого пути. Впоследствии, когда братья уже не общались, их взгляды (как и события жизни) значительно различались. По замыслу автора доклада, сопоставление жизненных историй двух братьев способно не только пролить свет на эволюцию взглядов М. Бахтина, но и высветить существенные повороты и проблемы философии XX в.

В рамках конференции работали три параллельные секции. Реконструкции малоизвестных эпизодов биографии молодого Бахтина, свидетельствующих о периоде становления ученого, был посвящен

доклад Дануты Улицкой (Варшавский университет, Польша) «Не только Зелинский. О забытой фигуре Стефана Сребрного». В центре доклада — фигура польского филолога-классика Стефана Сребрного, упоминание о котором присутствует в опубликованных беседах М. М. Бахтина с В. Д. Дувакиным. Согласно гипотезе Улицкой, идеи Сребрного, например, о пародии и гротеске, о «комедии и ее народных корнях», о смехе и авторитете, а также его метод, который «основывается на убеждении, что в более поздних текстах хранятся тексты предыдущие», могли повлиять на бахтинскую концепцию романа, диалогического слова, гротеска и смеховой культуры.

Методологические следствия философии Бахтина обсуждал Джованни Боттироли (Бергамский университет, Италия) в докладе «Бахтин: богатство теории против бедности “контекстных исследований” (культурных исследований и т.д.)». В центре доклада находилась концепция субъективности, к построению которой стремился Бахтин. Известный тезис, согласно которому герой Достоевского не совпадает с самим собой, рассмотрен в докладе как своего рода модель идентичности. Тезис о несовпадении Боттироли переводит на язык логики, предпринимая реконструкцию *логики* бахтинского диалогизма. Так, выражающая принцип тождества формула $A=A$ не годится для описания указанной модели уже потому, что не учитывает фактор развития. Факт несовпадения с самим собой выражен другой формулой, подразумевающей это приращение: $A \neq A$. Отмечая, что «конъюнктивная логика» не обязательно является логикой синтеза, автор характеризует рассматриваемую ситуацию термином «сопринадлежность». Принцип несовпадения с самим собой назван в докладе гибкой формулой, не отвергающей принцип непротиворечия. Скорее речь идет о мериологической модели. Принцип несовпадения, по замечанию автора, указывает также на существование разных видов точности (в том смысле, что для точности может быть использована, например, метафора).

Что касается представления о «большом времени», то его Боттироли рассматривает как необходимое условие восприятия и интерпретации любого произведения, поскольку без учета исторической жизни произведения невозможна его адекватная, то есть *неупрощенная*, интерпретация. При этом упрощение, по версии докладчика, связано с распространением «контекстных исследований» (культурных исследований, постколониальных исследований и др.), замыкающих произведение в «маленьком времени».

Методологическим следствиям работ Бахтина и экспликации бахтинского понятия «теоретизм» был посвящен доклад «К понятию “теоретизма” в философии культуры М. М. Бахтина», прочитанный Богуславом Жилко (Гданьский университет, Польша), организатором X Бахтинской конференции в Гданьске в 2001 г. В докладе подчеркивалось, что явление, которое в ранней философии Бахтина выражено термином «роковой теоретизм», рассматривалось им как свидетельство кризиса европейской культуры, причем сама проблема, на что обращает внимание докладчик, обсуждалась еще в рамках невеликого кружка на рубеже 1910–20-х гг. Отмечая, что преодоление кризиса (то есть «разрыва между жизнью и культурой», «дуализма познания и жизни...») остается важной задачей гуманитарных наук, Жилко проанализировал бахтинские версии преодоления проблемы «рокового теоретизма».

В докладе Нила Фоксли (Университет Центрального Ланкашира, Великобритания) «Объединение подходов к концептуальной и интеллектуальной истории: круг Бахтина, история понятий и “кем-

бриджская школа”» предпринята попытка с помощью идей «круга Бахтина» навести мосты между двумя подходами к интеллектуальной истории — немецкой школой истории понятий (Р. Козеллек) и британской «Кембриджской школой» (К. Скиннер, Дж. Покок). Надо отметить, что постановка данной проблемы особенно показательна в связи со спорами о «контекстуальности» идей самого Бахтина и о том, как возможно их проецирование на дискуссии в современных гуманитарных науках. Вклад в историю идей М. Бахтина и В. Волошинова, предвосхитивших, по выводу Фоксли, разработку основных понятий названных школ, оценивается в основном на материале книги «Марксизм и философия языка». Одну из возможностей интеграции двух подходов автор доклада усматривает в синтезе уже обнаруженных в этой книге двух лингвистических тенденций — «абстрактного объективизма» (связываемого с Ф. Соссюром) и «индивидуалистического субъективизма» (В. Гумбольдт, К. Фосслер). По мнению докладчика, теория «круга Бахтина», во-первых, пересекается с ключевыми элементами как истории понятий, так и «кембриджской школы», а во-вторых, интегрирует эти элементы в одном подходе, что создает потенциал для «взаимно освещающего» диалога между ней и интеллектуальной/концептуальной историей.

Тема «круга Бахтина», но в другом ракурсе, присутствовала также в докладе известного исследователя бахтинского творчества, слависта Крейга Брандиста (Бахтинский центр Шеффилдского университета, Великобритания). Анонсированный как «Еще раз о Грамши и Бахтине», доклад рассматривался как продолжение исследований докладчика, посвященных социолингвистическим и социокультурным идеям, которые в 1920-е гг. разрабатывали, с одной стороны, участники «круга Бахтина», а с другой — Антонио Грамши, побывавший в начале 1920-х гг. в России.

За пересмотр сложившихся представлений о «круге Бахтина» высказался семиотик, исследователь и переводчик трудов Бахтина на итальянский язык Аугусто Понцио (Университет Бари, Италия). В своем докладе «Свое слово и слово другого у Михаила Бахтина» он подверг сомнению все: и центральную роль Бахтина в данном сообществе, и статус самого сообщества. Последнее, по мнению Понцио, не является академической школой — это скорее группа, частью которой был и сам Бахтин. При этом в качестве исходной посылки и отправной точки в докладе приняты теоретические положения самого Бахтина, а именно акцентированный в его работах вопрос о «собственности на слово», точнее, постановка проблемы слова «своего» и «чужого», представление о том, что слово (высказывание) всегда связано с другими словами (высказываниями), является ответом и одновременно предвосхищением ответных слов.

«Вторую волну исследований творчества Бахтина» на рубеже веков отметил Клайв Томсон (Университет Гуэлфа, Канада), связав ее с публикацией переведенного в 1990-е гг. на английский язык бахтинского произведения «К философии поступка». В докладе «Перечитывая “К философии поступка” Михаила Бахтина» Томсон говорил об открытии этого текста англоязычными исследователями, что повлекло за собой расширение контекста восприятия Бахтина, открытие новой проблематики, учет религиозного аспекта (Томсон сослался на новые работы в этой области) и дискуссий начала XX века и т.д.

Вынесенное в название «перечитывание» относится и к статье самого Томсона, опубликованной в 2002 г. и посвященной названной выше работе. Ссылаясь на эту свою статью, докладчик посчитал необходимым рассмотреть ее с критической точки зрения, с учетом таких тем, как этика,

религия и эстетика. Не обошел Томсон и тему «круга Бахтина», сославшись на новые сведения о биографии ученого и о самом «круге». Таким образом, новое прочтение рассматриваемой бахтинской работы Томсон связал с изменившимся благодаря новым исследованиям контекстом ее восприятия.

Тема интеллектуальной истории и «круга Бахтина» присутствовала также в докладе Мики Ляhteенмяки (Университет Ювяскюля, Финляндия) «К вопросу о происхождении бахтинской металингвистики». (Докладчик — исследователь творчества Бахтина и один из организаторов XII Бахтинской конференции в Финляндии в 2005 г.) Отмечая, что термин «металингвистика» появился впервые в работе Бахтина «Проблема текста»^[16], Ляhteенмяки критически отозвался о предположении, согласно которому одним из источников происхождения понятия «металингвистика» в трудах Бахтина послужило название сборника статей американского лингвиста Б. Ли Уорфа. Критически оценив версию об очередной «игре слов», не подразумевающей приверженности идеям, автор остановился на анализе соотношения бахтинской трактовки металингвистики и ее концепции в работах американских исследователей.

Согласно докладу Джонатана Холла (Бахтинский центр Шеффилдского университета, Великобритания) «Переосмысление идеологии как диалогического столкновения», диалогическая перспектива вносит корректировку в представление об «идеологии как единой структуре дискурса», предопределяющей все коммуникативные действия. Идеологию докладчик рассматривает как арену *диалогического спора*, как процесс, в ходе которого возможны два этапа, две разные по содержанию фазы («самоосвобождающаяся» и «оборонительная»). Первой фазе соответствует самоутверждение идеологии в процессе диалогического столкновения. Ареной «возвращения подавляемого» идеология становится уже на втором этапе. Согласно интерпретации Холла, подход В. Волошинова к идеологии в книге «Марксизм и философия языка» «выходит за рамки предпосылок его и Бахтина» и открывает «перспективные пути переосмысления отношений между идеологией и социальным бессознательным».

Идея связи понятий с контекстом их происхождения прозвучала в докладе теоретика литературы и культуры, писателя Дениса Соболева (Университет Хайфы, Израиль) «Михаил Бахтин и современная теория культуры». Очерчивая сложившийся теоретико-литературный контекст, докладчик предлагает с помощью семиотической интерпретации бахтинской «полифонии» преодолеть крайности двух противоположных литературоведческих подходов к истолкованию смысла произведения (либо «единство», либо «рассеивание»). Что касается теории культуры, то современный «теоретический ландшафт культурных исследований (cultural studies)», как подчеркивает Соболев, во многом задан взаимодействием феноменологических подходов (в том числе бахтинского) и неомарксистских идей. В качестве уточнения этого тезиса в докладе приведен ряд параллелей, например, между идеями В. Беньямина о функционировании культуры и бахтинским описанием романной полифонии. Рассматривая влияние Бахтина на современные культурные исследования, Соболев подчеркивает необходимость удерживать в поле зрения не только сходства, но и различия и рассматривать идеи Бахтина «в их “диалоге” с современной теоретической мыслью».

Елена Богатырёва (Российский институт культурологии) в докладе

«М. Бахтин и современная философия» ставит вопрос о методологических следствиях бахтинской философии языка и проводит параллель между бахтинскими идеями и некоторыми проблемами современной, в частности, немецкой философии. Автор доклада останавливается на поворотном этапе в творчестве Бахтина, связанном с переходом от феноменологии к философии языка, отмечает, что поворот этот выглядит вполне последовательным в контексте *истории философии XX века*.

Согласно выводу докладчицы, для бахтинских текстов характерно *стремление к обоснованию*, что не противоречит известной критике «теоретизма»: Бахтин ищет обоснование другого рода и находит замену формально-логическим приемам подтверждения истинности. Можно сказать, что в роли критериев, аналогичных рациональным, в бахтинской философии языка выступает *диалогичность* (как характеристика и мышления, и поступка). Диалогичность в трактовке Бахтина приобретает методологическое значение, выступая в роли релевантного для гуманитарных наук способа достижения и удостоверения истинности и убедительности. Это обстоятельство показательно еще и с той точки зрения, что философию языка Бахтина традиционно связывают с феноменолого-герменевтической традицией. Но в ней можно найти и точки пересечения с теми подходами, которые вписываются в аналитическую философию языка. В докладе подчеркивается, что искания и философский опыт Бахтина симптоматичны и показательны для философии XX века, поскольку демонстрируют не только темы и проблемы, волновавшие философскую мысль, но и неразрешенные вопросы, а также поиски возможных путей и методов их преодоления.

Постановка проблемы стиля у Бахтина обсуждается в докладе «Теория и практика стиля в произведениях Михаила Бахтина», с которым выступила специалист в области компаративистики, переводчица и исследовательница трудов Бахтина Стефания Сини (Университет Восточного Пьемонта, Италия). Сини останавливается на вопросе, что подразумевал Бахтин под термином «европейский стиль». Трактовка стиля у Бахтина, как подчеркивается в докладе, выходит за рамки только литературоведения. Причем нередко понятие это фигурирует в полемическом контексте. По словам Сини, стиль у Бахтина — это отношение, стиль истолковывается с персоналистской точки зрения. Проводя параллель с другими трактовками стиля, Сини отмечает, что, например, Лео Шпитцер мог бы подписаться под известной фразой о том, что за стилем мы видим душу. Кроме того, докладчица подчеркивает, что Бахтин явно любил европейскую культуру.

Анализу литературоведческой категории сказа и экспликации бахтинского понимания этого литературного явления был посвящен доклад Nicoletta Marcialis (Nicoletta Marcialis, Римский университет Тор Вергата) «М. М. Бахтин и проблема сказа». Маргерита Де Микел (Болонский университет, Италия) — славист, исследовательница и переводчица произведений Бахтина, тонкий знаток русского языка — в докладе «1929: “Проблемы творчества Достоевского” (и) Бахтин», а также в других своих выступлениях в ходе конференции обратила внимание на продуктивность перечитывания текстов Бахтина, на музыкальность его слова, на роль музыкальных понятий в бахтинском творчестве и на влияние пианистки М. В. Юдиной, входившей в круг общения Бахтиных, на участников этого круга.

Известный исследователь творчества Бахтина Кен Хиршкорт (Ken Hirschkop, Университет Ватерлоо, Канада) в докладе «Городская ирония» задается вопросом о том, связано ли явление «разноречия»

(«heteroglossia»), исследованное Бахтиным, с городским образом жизни, с появлением современных городов, грамотности и общественных пространств? Бахтинскую теорию романа докладчик рассматривает как своего рода модель городского образа жизни, сопоставляя ее с концепциями В. Беньямина, Г. Зиммеля, Р. Сеннета.

Мая Соболева (Марбургский университет, Германия) в докладе «“Архитектоническая” онтология и “продуктивная” герменевтика: Георг Миш и Михаил Бахтин» проводит параллель между «продуктивной» герменевтикой Миша и философией Бахтина. Оба философа исходили из традиции В. Дильтея, в русле этой традиции понимали специфику гуманитарных наук (гуманитарное познание должно прийти к самопознанию) и предвосхитили герменевтику Х.-Г. Гадамера. В общности рассматриваемых подходов автор доклада усматривает «общую тенденцию в истории континентальной философии XX века». К числу других докладов, представивших историко-философские и историко-культурные параллели, можно отнести сообщение Сергея Сандлера (Хайфский университет, Израиль) «Кьеркегоровские источники философской мотивации Бахтина» и выступление Даниэля Бирда (Шеффилдский университет, Великобритания) «Карнавал, экстаз и пафос: Эйзенштейн и Бахтин (1935–1938)».

Ряд докладов был посвящен фигуре и творчеству В. Н. Волошинова. Например, Инна Тылковски (Лозаннский университет, Швейцария) в докладе «Русские источники социологического подхода Валентина Волошинова» в качестве таковых рассматривала, с одной стороны, работу Н. Бухарина «Теория исторического материализма», а с другой — немарксистские концепции социологии П. Сорокина и Е. де Роберти. В рамках презентации новых книг И. Тылковски представила участникам конференции опубликованный в Швейцарии перевод на французский язык книги «Марксизм и философия языка», выполненный ею в соавторстве с известным швейцарским лингвистом, профессором Лозаннского университета Патриком Серио.

Не соглашаясь с распространенным представлением об «авторской маске», Николай Васильев (Мордовский государственный университет) в докладе «К реконструкции книги В. Н. Волошинова “Опыт социологической поэтики” (1925–1927 гг.)» рассказал о своем исследовании научных изысканий молодого Волошинова, о проекте его монографии и связи данного замысла с известной статьей «Слово в жизни и слово в поэзии».

Традиционно популярными темами бахтинских конференций являются различные аспекты темы диалога и коммуникации. Так, доклад «Михаил Бахтин и исследования коммуникации в Бразилии» представили Анна Паула Гоуларт Рибейро и Игор Сакраменто (Университет Рио-де-Жанейро, Бразилия). Надо отметить, что число участников конференции из Бразилии в Бертиноро было довольно внушительным. (Кстати, XI Бахтинская конференция состоялась в Бразилии в 2003 г.) Бахтинская трактовка смысла и диалогических отношений в контексте социологической постановки вопроса о соотношении (разрыве) между идеями и их реализацией рассматривалась в докладе Минны Хаккарайнен (Университет Хельсинки, Финляндия) «Переосмысление практики развития: Бахтинская концепция истолкования смысла и диалогических отношений оказывает содействие практике?».

Ряд докладов был посвящен опыту применения идей и понятий Бахтина к анализу конкретных литературных произведений. Так, Алессандра Каттани (Университет Сассари, Италия) предложила интерпретацию

произведения Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». В своем истолковании автор опиралась на бахтинские понятия «хронотоп» и «карнавал». А филолог-итальянист Екатерина Фейгина (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) в докладе «Хронотоп дороги в романе А. Мандзони “Обрученные”» представила использование бахтинского понятия для интерпретации романа знаменитого итальянского писателя, с помощью которого, как показывает докладчица, можно извлечь новые смыслы из сложной повествовательной структуры романа. В докладе рассматривались разные измерения романтического путешествия: путешествие героев романа в пространстве и путешествие читателя во времени. Эксплицируя понимание «истории» и «пути» у Мандзони, Фейгина заключает, что история в рассматриваемой системе координат представляет собой «хронотоп дороги».

Каковы дальнейшие перспективы освоения философии Бахтина, и как будут развиваться тенденции, обозначившиеся в Бертиноро, мы сможем оценить уже в 2013 г. Потому что именно в этом году в Швеции должна состояться XV Международная бахтинская конференция.

* Участие автора в конференции состоялось благодаря финансовой поддержке РФФИ, проект № 11-03-15026з.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Bakhtin: Through the Test of Great Time : the XIV International Bakhtin Conference [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bakhtinconference2011.it/index.html> (дата обращения: 28.09.2012). Программу и материалы конференции см.: http://www.bakhtinconference2011.it/Def_Prog.pdf (дата обращения: 28.09.2012).

[2] Речь идет о ряде произведений, вышедших в период с 1925 по 1930 г., статус которых очень необычен: их авторство (или участие в их написании) приписывалось М. М. Бахтину, но они были опубликованы под именами других авторов. Термин «девтороканонические» по отношению к ним был использован в статье С. С. Аверинцева, в которой он высказал следующее предложение: «Моральные и отчасти юридические аспекты проблемы атрибуции этих работ вызвали немало волнений и недоумений. Я предлагаю с непринужденностью оставить проблему нерешенной и считать ее не подлежащей решению». См.: *Аверинцев С. С. Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // Дружба народов. 1988. № 3. С. 259.*

[3] *Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2. изд., перераб. и доп. М., 1963.*

[4] *Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.*

[5] *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. М., 1975.*

[6] *Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники : ежегодник, 1984–1985. М., 1986.*

[7] *Михаил Михайлович Бахтин : библиогр. указ. Саранск, 1989.*

[8] См.: *Богатырёва Е. А. Драммы диалогизма: М. М. Бахтин и художест-*

венная культура XX века. М., 1996. Приведу одну цитату из этой книги: «История создания “девятнадцатиканонических” работ, конечно, не прояснена. Существует ряд версий, претендующих на объяснение их происхождения. Например, версия, согласно которой Бахтин сознательно вступил в игру, создавая данные произведения от лица определенного персонажа — литературоведа-марксиста, приверженца социологической школы. И хотя эта версия не кажется мне убедительной, она выдержана как бы в духе последующих бахтинских работ и потому могла бы послужить иллюстрацией некоторых мотивов его философии языка» (С. 84). См. также: *Богатырёва Е. А.* М. М. Бахтин: этическая онтология и философия языка // *Вопр. философии.* 1993. № 1.

[9] *Волошинов В. Н.* Слово в жизни и слово в поэзии // *Звезда.* 1926. № 6.

[10] См.: *Хабермас Ю.* Московское интервью : Ю. Хабермас отвечает на вопросы Ю. Сенокосова для журнала «Вопросы философии», апр. 1989 г. // *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность : московские лекции и интервью. М., 1995.

[11] Обсуждение данных проблем см., напр., в книге: *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.

[12] *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.

[13] *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка : основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.

[14] *Clark K., Holquist M.* Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.) ; L., 1984.

[15] О Николае Бахтине см., например: *Шестаков В. П.* Жизнь на агоне: культурологические идеи Николая Бахтина // *Культурологический журнал [Электронный ресурс].* 2010. 1. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/12.html&j_id=2 (дата обращения: 28.09.2012) [примеч. ред.].

[16] *Бахтин М. М.* Проблема текста // *Бахтин М. М.* Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х гг. М., 1996.

© Богатырёва Е. А., 2012

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2012 г.

Богатырёва Елена Анатольевна,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Сектора философских проблем культуры,

Российский институт культурологии (Москва)

e-mail: bogatyreva@ricur.ru

UDC [008+82]:01.13(048)

Bogatyreva E.

**HETEROGLOSSIA AND DISAGREEMENTS:
DEBATES ON MIKHAIL BAKHTIN AT BERTINORO**

Abstract. The review is dedicated to the results of the XIV International Bakhtin Conference (Bertinoro, Italy, 2011) held under the title “Bakhtin: Through the Test of Great Time”. The papers of the Conference participants are presented against the general context of Bakhtin studies. A special attention is given to the problems of the Bakhtin Circle, related deuterocanonical works, and Marxist influence on Bakhtin’s ideas.

Key words: Mikhail Bakhtin, Bakhtin's philosophy, Bakhtin Circle, theory of language, theory of literature, XIV Bakhtin Conference at the University Centre of Bertinoro

Bogatyreva Elena Anatolievna,

Doctor in Philosophy, Leading Researcher
of the Department for Philosophical Issues of Culture,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: bogatyreva@ricur.ru